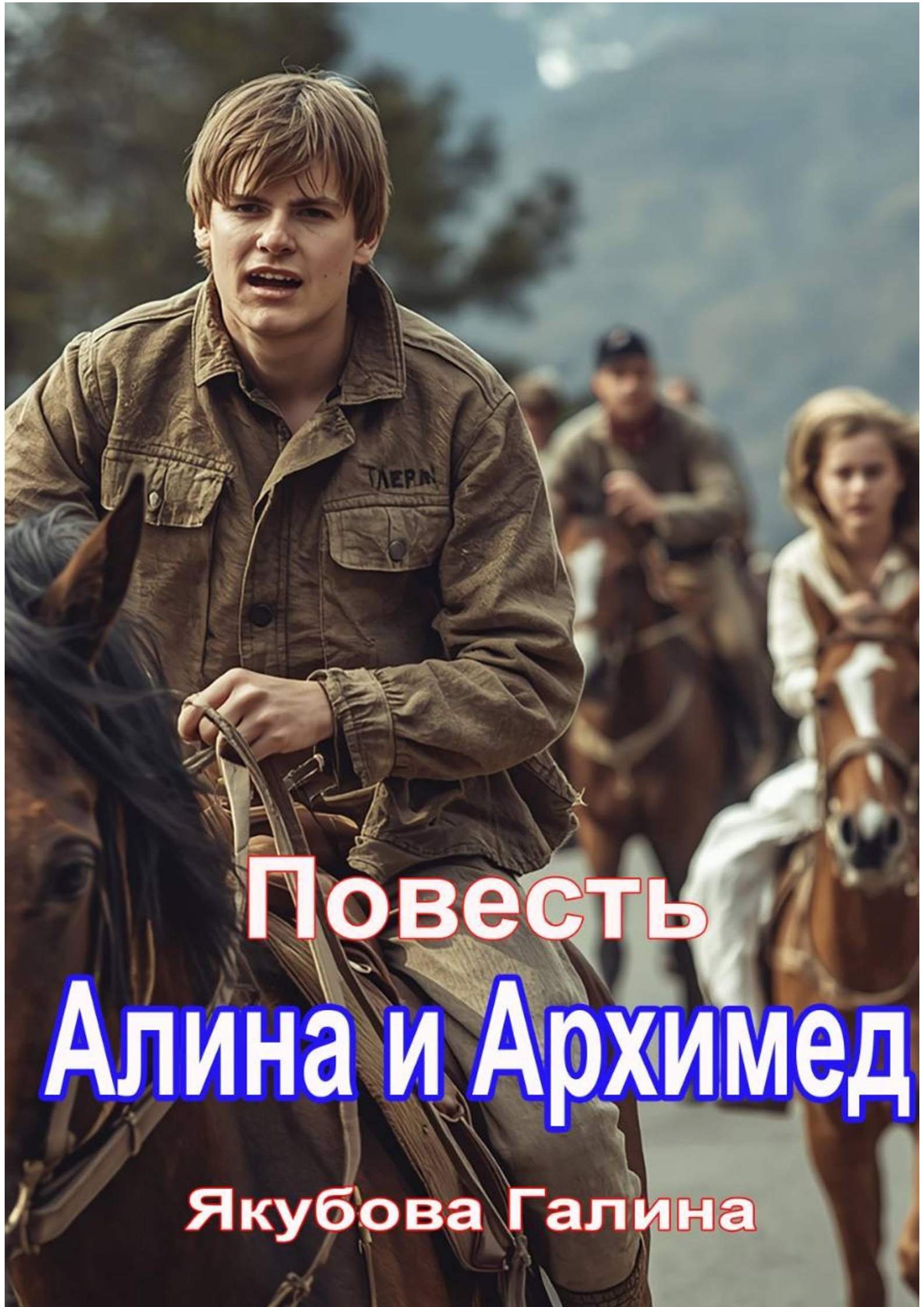

Повесть

Алина и Архимед

Якубова Галина

Галина Якубова

Алина и Архимед. Повесть

«Автор»

2026

Якубова Г.

Алина и Архимед. Повесть / Г. Якубова — «Автор», 2026

Кавказская война — это болезнь, длящаяся десятилетиями. Она тлеет в ущельях и хоронит молодость, кажется, навсегда выжигая саму мысль о мире. В эту беспощадную реальность по воле предписания попадает молодой офицер Александр. Его путь — от столичного Александровского корпуса через сиротские классы Царского Села до Омского войскового училища — был подготовкой к службе, но не к этой войне. И уж точно не к той тихой отчаянной драме, что ждет его среди скал. Потому что главное сражение развернется не на перевале, а в его собственной душе, где любви предстоит пройти самые суровые испытания: огонь ненависти, воду слез и медные трубы людского осуждения. Повесть не о войне, а о продолжении. Об Алине, чья любовь пережила смерть. Об Александре-Архимеде, чья мысль победила силу. Об их сыне, пронесшем имя и честь через пламя эпох.

© Якубова Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 01: Алина и Архимед	5
Глава 02: Бегство к колодезю без воды	8
Глава 03: Волчий Обман и Кожа для Лука	11
Глава 04: Дом в Каменных Объятиях	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Галина Якубова

Алина и Архимед. Повесть

Глава 01: Алина и Архимед

Война на Кавказе была похожа на долгую, тяжелую болезнь. Сорок лет она тлела в ущельях, вспыхивала на перевалах, хоронила молодость в сырой земле и, казалось, выжигала саму надежду на мир. Для молодого офицера Александра, чья юность прошла в Александровском корпусе, для малолетних сирот в Царском Селе, для подготовки их к поступлению в кадетский корпус. Потом учёба в войсковом училище (с программой гражданских уездных училищ) в городе Омске – Училище Сибирского Линейного казачьего войска. Она предстала сначала лишь пунктом в предписании, сухой строкой о переводе в Отдельный Кавказский корпус. Впереди его ждала тихая и отчаянная драма – драма двух сердец, для которых предстоит пройти – сквозь огонь, воду и медные трубы.

Но очень скоро эта строка обернулась запахом пороха, хрустом наста под сапогами в горных засадах и молчаливым вопросом в глазах умирающих товарищей. Теория фортификации и славные подвиги Суворова, выученные наизусть в классах, здесь, среди кинжальных туров и коварных перевалов, казались детской сказкой. Война требовала иной науки – науки выживать, терпеть и каждый день делать невозможный выбор между долгом и жалостью. И именно здесь, в этом адском горниле, из юнкера Александра начал коваться офицер Александр.

Его, зелёного поручика, отправили с донесением в соседнюю часть. Путь лежал через тихое, на первый взгляд, ущелье.

Он не успел понять, откуда взялись всадники. Они выросли из скал и света, словно порождение самого горного духа – стремительные, молчаливые, в чёрных бурках, от которых пахло овечьей шерстью, конским потом и порохом. «Татары», – мелькнуло в голове у Александра, хотя он знал, что так русские солдаты называли любого горца-мусульманина. Пистолет выбили из руки одним ударом плети. Его не связали, лишь сняли с коня. Гордо молчавший Александр прочитал в их глазах не звериную злобу, а холодный, деловой расчёт. Он был не врагом, а товаром. Живым товаром, которого можно выменять на своих или продать тому, кто заплатит больше.

Его привезли в высокогорный аул, прилепившийся к скале, будто ласточкино гнездо. Тюрьмой стал полуразвалившийся сарай на краю селения. На ночь на его ноги, уже отёкшие от долгой скачки, надевали тяжёлые деревянные колодки. Скрип дубовых створок, щелчок замка – и мир сужался до четырёх стен, пропахших плесенью и отчаянием прежних пленников.

Хозяином его судьбы, как и судьбы всего аула, был бек Мустафа – мужчина с лицом, высеченным из орехового дерева, и глазами, пустыми, как гладкие речные камни. Его власть была абсолютной и тихой. Именно он решал, кому жить, а кому – стать разменной монетой в бесконечной игре войны.

И именно у этого человека была дочь. Алине было пятнадцать. В её возрасте девушки из знатных семей Петербурга ещё робко выходили в свет, спрятавшись за веера матерей. Здесь же она уже считалась перезрелой невестой. Мир Алины был ограничен глиняными стенами женской половины дома, взглядами отца и знанием, что её будущее – такая же сделка, как и всё вокруг. Но в её душе, словно первый подснежник сквозь каменистую почву, пробивалось упрямое, необъяснимое ожидание чуда.

Чудо в зыбком обличье русского офицера явилось к ней в тот день, когда она впервые украдкой заглянула в щель сарая. Он сидел, прислонившись к стене, не сломленный, а собранный, как пружина. Его форма была грязной и порванной, но светлые волосы и ясный, умный

взгляд казались ей чем-то сродни звёздам – недостижимыми и прекрасными. Сострадание, запретное любопытство, а потом и что-то большее, заставили её рискнуть. Сперва это были лишь лепёшки, оставшиеся от ужина, потом – тёплые, пахнущие дымком куски баранины, которые она проносила, замирая от страха, под широким рукавом своего платья.

Они почти не разговаривали. Он принимал её дары молчаливым кивком, а она смотрела на него большими, тёмными, как спелые маслины, глазами, в которых читался немой вопрос: «Кто ты?». Иногда его выводили под конвоем – «на прогулку», как насмешливо пояснял стражник. Александр не гулял. Он изучал. Каждый камень, каждый поворот тропы, каждую складку местности запечатлевал в памяти, превращая в детали будущей карты побега. Он видел, как Алина следила за ним из-за угла, и в её взгляде читал не угрозу, а тихую, отчаянную преданность.

Именно этой преданности он решил довериться. Однажды, когда она просунула в щель очередную лепёшку, он тихо, но чётко произнёс: «Как тебя зовут», «Алина», ответила девушка. «Меня зовут Александр», продолжил он.

– Мне нужна лопата. Без черенка. Ты можешь её достать?

В её глазах не было ни удивления, ни страха – лишь вспышка решимости. Она кивнула. На следующий день лопата, короткое, мощное лезвие, уже лежала в углу сарая.

Работа началась под покровом ночи. Колодки звякали на его ногах, мешая каждому движению, но Александр копал с методичностью инженера, выводящего тоннель под неприступной крепостью. Земля уступала с тихим шуршанием. Он уже видел свет в конце этого подземного коридора. Оставалось лишь дожидаться подходящего момента.

Момент наступил не так, как он ожидал. Алина ворвалась к сараю не с едой, а с горем, размазанным по лицу мокрыми дорожками слёз.

– Я больше не приду, – выдохнула она, и голос её дрожал, как тростинка на ветру. – Меня... меня выдают замуж. Увозят в другой аул.

Она говорила быстро, сбивчиво, словно боялась, что храбрость покинет её. Старик, шестьдесят лет, целое стадо баранов в качестве калыма... История её матери, проданной так же, годы унижений в доме отца, где дочь – лишь актив для выгодного обмена. И сквозь эту боль пробивалось главное признание, чистое и жгучее, как горный родник:

– Я люблю тебя, Александр. Настоящей любовью. Лучше умереть, чем жить без тебя.

В её словах не было романтической патетики – лишь простая, страшная правда пятнадцатилетней жизни, познавшей всю цену человеческого достоинства. Александр, воспитанный в строгих рамках чести и долга, увидел перед собой не ребёнка, а личность. Изломанную, но не сломленную. И в его сердце, закованном в броню офицерской выучки, что-то дрогнуло.

– Рано тебе умирать, Алина. Мы ещё с тобой поживём. Убежим вместе. Я отведу тебя в русскую крепость. Там ты будешь свободна.

Она схватилась за его слова, как утопающий за соломинку.

– Я согласна! – и тут же, со свойственной её возрасту прямолинейностью, спросила то, что для неё было важнее самой свободы: – А я... я тебе нравлюсь?

Он вздохнул. Долг, разум, условности – всё кричало внутри него, что это дитя, что это безумие.

– Ты же ещё дитя...

– У нас в двенадцать замуж выходят! – парировала она с пылкой обидой. – А ты? Ты женат?

Искренность её вопроса была обезоруживающей. Он, выпускник военного училища, видевший в женщинах лишь мимолётные образы на балах, покачал головой.

– Нет. Некогда было.

– Так я буду твоей первой! – заявила она, и в этих словах, была вся её натура: смелая, прямая, не знающая полутонув.

– Хорошо, – сдался он, сам не зная, что обещает. – Когда убежим, ты будешь моей девушкой.

– Женой! – поправила она.

– Нет, – голос его вновь стал твёрдым, офицерским. – Я буду твоим щитом. Буду оберегать тебя от любой опасности. Но мы будем вместе.

Для неё, чьё «вместе» до сих пор значило лишь общую участь в отцовском доме, и этого было достаточно. В её глазах зажегся огонёк, в котором смешались надежда, любовь и непоколебимая решимость идти за этим странным русским офицером хоть на край света.

Глава 02: Бегство к колодцу без воды

Вечер спустился на аул, окрасив небо в густые, индиговые тона. Вместе с лепёшками, Алина принесла топор – тяжёлый, с короткой рукоятью, пахнущий смолой и железом. Удар по деревянным колодкам прозвучал в тишине сарая оглушительно громко. Дуб треснул, щепки отлетели в стороны. Скованность сменилась мурашками боли в онемевших ногах, но это была боль освобождения.

– Иди за сарай, – шепнул Александр, его пальцы уже ощупывали край подкопа. – Я вылезу и найду тебя.

Она кивнула, её лицо в сумерках было бледным и бесстрашным пятном. Через минуту он, покрытый липкой глиной, выкарабкался на свежий ночной воздух. Их руки встретились в темноте – её маленькая, холодная и цепкая, его – твёрдая и уверенная. Без слов они бросились бежать, в сторону чёрного силуэта гор, вырисовывавшегося на фоне звёздного неба. Алина несла узелок с едой, прижав его к груди, как самое драгоценное сокровище. Она не оглядывалась. Она бежала к, а не от. На седьмом небе от счастья, впервые в жизни чувствуя ветер свободы, а не сквозняк в женской половине дома.

Всю ночь они пробирались по каменистым тропам, слушая вой шакалов и далёкий, как эхо, лай собак. Утром, измученные, но не сломленные, они вышли к старому колодцу. Каменное кольцо его ограды было сухим и растрескавшимся, а на дне виднелась лишь пыль да обломки камней. Надежда найти воду рухнула.

Их собственная жажда тут же сменилась иной – опасностью. На горизонте, окутанные утренней дымкой, показались всадники. Пять точек, быстро растущих в размерах. Мустафа не стал медлить. Сердце Алины упало. Казалось, каменные стены ущелья сомкнулись, не оставив выхода.

И вдруг она вспомнила. Обрывок разговора, подслушанный когда-то у двери отцовской комнаты.

– Этот колодец... – прошептала она, хватая Александра за рукав. – Он не простой. На дне есть ход. В сторону гор.

В её глазах не было и тени сомнения. Не раздумывая, они спустились в сухую каменную глотку колодца. На дне, под слоем мусора, Александр нащупал ногой неровность, а потом – прохладный поток воздуха, идущий из узкой расщелины. Это был не ход, а скорее, шрам в теле горы – низкий, тесный, пропахший сыростью и вековой пылью. Они поползли, слыша за спиной уже близкий топот копыт и гортанные крики.

Ход, длиной чуть больше пятисот саженей, вывел их к самому подножью гор, в заросли колючего кустарника. Они вынырнули на свет, ослеплённые солнцем, и тут же услышали спокойный, насмешливый голос:

– С прибытием, гости желанные. Мы вас ждали.

Перед ними, опершись на карабин, стоял старший из преследователей. Его лицо, испещрённое морщинами и шрамом через щёку, выражало не злобу, а холодное удовлетворение охотника, загнавшего дичь в угол.

– Думали, секрет колодца только вам ведом? Ошибались. Ну что ж, сперва накажем за дерзость, а потом к Мустафе-беку.

Он кивнул самому молодому из джигитов:

– Аристарх, покажи русскому, как у нас гостей встречают.

Юноша, с пылким, необстрелянным взглядом, выхватил длинный нож и ринулся вперёд. Александр не отступил. Он сделал едва заметное движение корпусом – и клинок просвистел в сантиметре от его груди. Последовал короткий, жёсткий толчок в плечо, и джигит, потеряв равновесие, грузно шлёпнулся на камни. Поднявшись, он с рёвом кинулся вновь. На этот раз

Александр встретил его лёгкой, отточенной подсечкой. Звук удара кости о камень был сухим и неприятным. Аристарх замер, скорчившись от боли.

– Ну что ж, – старший татарин выпрямился, и в его глазах мелькнуло уважение, замешанное на злости. – Значит, все вместе. Навалимся – задавим.

Александр встал в стойку, которую когда-то показал ему немой китайский мастер в тишине училищного двора. Его голос прозвучал тихо, но с той неоспоримой сталью, что останавливает толпу:

– Нападайте. Все разом. Но знайте – щадить не буду. Руки-ноги переломаяю.

Следующие несколько минут были стремительным, жестоким хореографическим этюдом. Он не дрался – он нейтрализовал. Каждое движение было экономным, точным, лишённым ярости и направленным не на убийство, а на причинение контролируемой, выводящей из строя боли. Хруст костей, короткие вскрики, тяжёлые падения. Вскоре все пятеро лежали на земле, не в силах пошевелиться, их конечности были вывернуты в неестественных, жутких углах.

Взяв карабин и шашку одного из них, Александр помог Алине вскочить на коня, сам оседлал другого.

– Патронов всего пять, – с сожалением бросил он взгляд на остальное оружие, валявшееся рядом с поверженными. – Но брать больше нельзя. Кто найдёт их – поймёт, что мы вооружены.

– А они? – спросила Алина, с ужасом глядя на неподвижные тела.

– Волки, – коротко ответил Александр, уже поворачивая коня. Я слышал в здешних краях бродят бешенные волки, они могут почуять легкую добычу и съедят этих бездвижных преследователей. – С их переломами до оружия они не доползут.

Они поскакали прочь, оставляя позади поле первой, выигранной битвы и суровый, но необходимый приговор. Алина, скакавшая рядом, спросила то, что не давало ей покоя:

– Где ты... так научился?

– Офицер должен уметь, – ответил он, всматриваясь в бескрайние горы, не зная, куда держать путь. – А мне повезло.

В училище, из курсантов, был один китаец... и его охранник. После окончания училища, он должен был уехать на родину, получив наше образование. Что бы учиться в нашей стране выбирают лучших и не редко отправляют вместе с охранниками. Охранник владел множественными приёмами борьбы, он обучал этим приёмам меня и своего парня, который учился у нас в городе Омске – Училище Сибирского Линейного казачьего войска. Этот охранник был потомственным хранителем Восточного единоборства, которое интенсивно развивалось ещё в 770-221 годах до н. э., потому что тогда армия должна была постоянно пополняться готовыми бойцами. К примеру, есть такая борьба как Ушу, так вот эту борьбу Ушу называют сформированную столетиями систему традиционного воинского искусства Китая, которая применяется для самосовершенствования и самозащиты. Название единоборства состоит из двух иероглифов: «у» и «шу». Вместе они обозначают военное искусство. С момента возникновения ушу включало разные знания, с помощью которых человек мог преодолеть любые условия, быстро реагировать и принимать решения.

Вы всё это проходили в училище, спросила Алина. Нет, такими подробностями, я интересовался чисто для себя, отдельно от учёбы, ответил Александр. Настоящий офицер – это профессионал, сочетающий верность Отечеству с высокими моральными качествами. Ключевыми характеристиками являются ответственность, мужество, дисциплинированность, лидерские способности и профессиональная компетентность, добавил Александр. Не малое значение, не только для офицера, но и для простого человека, имеет расширение кругозора. Когда у нас будут свободные минуты, я буду тебе много рассказывать о том, что знаю сам. О тайнах природы, о её законах, а далеких странах, и конечно о нашей стране России. О Москве, о Санкт-Петербурге и ещё многое, многое другое.

Кони несли их вперёд, туда, куда глядели глаза, в самое сердце незнакомого, враждебного, но теперь уже их общего мира. Они ехали не спеша, оглядываясь по сторонам, нет ли какой-либо опасности, вроде всадников. Александр рассказывал о своей учебе, о природе и о всём мире, а Алина внимательно слушала, поражаясь такими глубокими знаниями Александра.

Глава 03: Волчий Обман и Кожа для Лука

Мустафа-бек не был человеком, терпящим неопределённость. Когда его пятеро джигитов не вернулись к полудню другого дня, в его душе, холодной и расчётливой, зашевелилось не беспокойство, а раздражение. Беглец оказался хитрее, чем предполагалось. Взяв с собой ещё несколько человек, он сам отправился по следу.

Колодец, сухой, немой, как и прежде. Но взгляд Мустафы, привыкшего читать землю, как открытую книгу, сразу отметил следы у края, сколы на старом камне. Он знал секрет этого места. Значит, знал его и старший из преследователей. Немедля, бек направился к выходу хода у подножья горы.

Картина, открывшаяся ему, была до ужаса ясной и одновременно – обманчивой. Останки. Не трупы, а именно останки – белые кости, уже обглоданные, разбросанные в радиусе нескольких шагов. Оружие лежало нетронутым: карабины с полными обоймами, сабли в ножнах. Мустафа поднял один из стволов. Затвор был на месте, патрон в патронник не дослан. Так не воюют.

Он обвёл взглядом место, и на его лице не дрогнул ни один мускул.

– Волки, – произнёс он с ледяной убеждённостью. – Напали внезапно. Даже оружие взять не успели.

Его логика была железной. Горные волки-одиночки – трусливые падальщики. Но были слухи о стаях «бешеных», тех, что потеряли страх перед человеком, сбивались в огромные, организованные своры и могли напасть на вооружённый отряд, ошеломляя числом и яростью. Именно такая стая, решил Мустафа, и настигла его людей здесь, у выхода.

Его взгляд упал на другие клочки среди костей. Кусок грубого солдатского сукна, цвета пыли и грязи. И рядом – лоскут пёстрой домотканой шерсти, знакомого узора. Форма русского и платье Алины. Значит, и их настигла та же участь. Догнать больше было некого. Погоня окончена. Он повернулся к своим людям:

– Всё кончено. Волки всё решили.

Он не знал, что офицерская выучка включала в себя не только тактику боя, но и тактику обмана. Александр, уходя, оторвал рукав от своего мундира и кусок от подола платья Алины. Он предвидел этот взгляд, этот холодный анализ. И оставил для него именно те улики, которые тот хотел найти. Мустафа стал первым, но не последним, кто недооценил «книжную» мудрость выпускника Омского училища.

Тем временем Александр и Алина, проскакав несколько вёрст и убедившись, что погони нет, спешили. Бесконечная скачка по неизвестной местности демаскировала их больше, чем помогала.

– Нужно идти пешком, – сказал Александр, уже снимая с седла уздечки. Потом он взял нож и начал аккуратно срезать сыромятную кожу, нашитую на луке седла.

– Зачем это? – удивилась Алина, наблюдая, как в его руках толстая кожа превращается в длинные, прочные полосы.

– Тетива, – ответил он, не отрываясь от работы. – Для лука. До крепости, я думаю, не близко. Придётся задержаться в горах. А значит – охотиться. Стрелять из карабина нельзя – звук на многие вёрсты слышен. Патронов и так мало. Будем жить, как древние.

– Ты всё знаешь, – в её голосе звучало искреннее восхищение, смешанное с облегчением. Рядом с ним самый дикий край казался управляемым. Когда мы ехали сюда, я очень внимательно слушала тебя и мне казалось, что я тебя знаю очень давно.

– Это то, что должен знать офицер, – поправил он её мягко. – Чтобы стать им, нужно долго учиться.

Он решил рассказать ей. Не для хвастовства, а чтобы заложить первый камень доверия, протянуть нить между их мирами. Он говорил об Александровском корпусе в Царском Селе – приюте для малолетних сирот с большими амбициями. Как его, ещё маленького мальчика привезли сюда для дальнейшей учёбы. Об Омске, о пяти годах учёбы, где за партой сменяли друг друга «Божье дело», математика и начала тактики. И о своём кумире – человеке, жившем за две тысячи лет до них, за тридевять земель отсюда.

– Его звали Архимед, – сказал Александр, и в его голосе впервые зазвучала та теплота, которую Алина раньше слышала только тогда, когда он говорил о долге. – Великий ум. Он говорил: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю». Когда обустроимся, я расскажу тебе о нём подробнее.

– Я буду ждать, – прошептала Алина, и в этом обещании был не только интерес к далёкой истории, но и тихая клятва – ждать этих рассказов, ждать этих вечеров, ждать всей той совместной жизни, начало которой они только что, чудом, вырвали у судьбы. Имя «Архимед» стало для неё первым паролем в новый, огромный мир знаний, который принадлежал её Александру.

Глава 04: Дом в Каменных Объятиях

Ещё несколько вёрст они шли пешком, и каждая из них была испытанием не только для ног, но и для глаз. Александр искал не просто укрытие на ночь. Он искал крепость. Место должно было отвечать строгим, выверенным на лекциях по фортификации критериям: круговой обзор, защита от ветров, естественное укрытие в теле самой скалы. Он мысленно чертил схемы, отбрасывая один вариант за другим.

Их новый дом нашёл их сам. Вернее, они нашли его – неприметную щель в монолитной скале, которая при ближайшем рассмотрении оказалась не щелью, а входом. Внутри открывался не грот, а длинный, узкий коридор, словно вырезанный в толще камня забытым великаном. Пятнадцать саженей в длину, четыре в ширину. Пол был покрыт мелкой, сухой пылью, стены – прохладные и гладкие на ощупь.

– Вот он, – сказал Александр, и его голос, впервые за много дней, звучал не как приказ, а как констатация факта, почти – удовлетворение. – Наш дом. Сколько здесь проживём – не знаю. Но к зиме нужно быть готовыми.

Он уже видел этот коридор иначе: не как ловушку, а как бастион. С одного конца – вход, который можно завалить и контролировать. С другого – глухая стена, надёжный тыл. Крепость, которую он искал для русской заставы, нашлась здесь, в сердце вражеской земли, и была размером ровно на двоих.

План действий сложился в его голове мгновенно, как раскрывается походная карта: разведка окрестных аулов, изучение троп, создание сети наблюдательных постов. Но первой, сиюминутной заботой был хлеб насущный.

– Лепёшки твои скоро кончатся, – констатировал он, глядя на скудный узелок. – Нужно искать село. Мука, соль... и нитки. Не простые, а крепкие.

Алина кивнула, понимая про муку и соль, но задержалась на последнем.

– Нитки? Чтобы штопать?

– Чтобы делать стрелы, – поправил он. – У стрелы должен быть наконечник и оперение. И то, и другое нужно крепко привязать к древку. А ещё... – он сделал паузу, глядя на вход в их убежище, – ... чтобы сделать стражей, которые никогда не спят.

Он объяснил ей просто и ясно, как когда-то объясняли ему на занятиях полевой инженерии: натянутая у земли нить, привязанная к груде камней на неустойчивой опоре. Невидимая ловушка, которая грохотом оповестит о любом незваном госте. В глазах Алины вспыхнуло то самое восхищение – смесь удивления перед неочевидным и гордости за его ум.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.